

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Господа ташкентцы

Картины нравов

1869 г.

ТАШКЕНТЦЫ ПРИГОТОВИТЕЛЬНОГО КЛАССА

ПАРАЛЛЕЛЬ ПЕРВАЯ

Ольга Сергеевна Персианова не без основания считает себя еще очень интересной вдовой. Несмотря на тридцать три, тридцать четыре года, она так еще моложава и так хорошо сохранилась, что иногда, а особенно вечером, при свечах, ею можно даже залюбоваться. Это тип женщины, которая как бы создана исключительно для того, чтоб любить, нравиться, *pour etre bien mise* {чтоб хорошо одеваться.} и ни в чем себе не отказывать.

Подобного сорта женщины встречаются в так называемом "свете" довольно часто. Их с малых лет сажают в специально устроенные садки и там выкармливают именно таким образом, чтобы они были *bien mises*, умели *plaire* {нравиться.} и приучались ни в чем себе не отказывать. По окончании выкормки целые выводки достаточно обученных молодочек выпархивают на вольный свет и немедленно начинают применять к делу результаты полученного воспитания. Разумеется, тут все зависит от того, красива ли выпорхнувшая на волю молодка или некрасива. Красивое личико гарантирует будущность блестящую и беспечальную; некрасивое -- указывает в перспективе ряд слезных дней. Красивая молодка заранее может быть уверена, что жизнь ее потечет как в повести, то есть что она в свое время зацепится за шпору румяного кавалериста, который, после некоторых неизбежных во всех повестях перипетий, кончит тем, что приведет ее за собой в храм славы и утех. Там она будет показываться *bien mise*, будет ездить на рысаках, *causer* {болтать.} с кавалерами и никогда ни в чем себе не отказывать. А дальше что бог даст. Может быть, отыщется другой кавалерист, может быть, дипломат, а может быть... и сам Александр Дюма-фис. Напротив того, некрасивая молодка так и останется с своими *jolies manieres* {прекрасными манерами.} и с желанием ни в чем себе не отказывать. Она будет *bien mise* исключительно для самой себя, и

ни один кавалерист не поведет ее ни в храм славы, ни в храм утех. А если и поведет, обольщенный блестящим приданым или связями, то так там и оставит в храме одну. Без занятий, без цели в жизни, без возможности *causer*, она постепенно накопит в себе такой запас желчи, что жизнь делается для нее пыткой. Из действующего лица в повести утех, каким она воображала себя во времена счастливой выкормки в патентованном садке, она делается простою, жалкою confidentкою, будет выслушивать исповедь тайных амурных слов и трепетных рукопожатий, расточаемых кавалеристами и дипломатами счастливым молодкам-красоткам, и неизменно при этом думать все один и тот же припев: ах, кабы все это мне! И так как ни одной капли из всего этого ей не перепадет, то она станет сочинять целые фантастические романы, будет видеть волшебные сны и пробуждаться тем больше несчастною, оставленною, одинокою, чем больше преисполнен был света, суеты и лихорадочного оживления только что пережитый сон.

Ольга Сергеевна принадлежала к числу молодых красивых, а потому счастье преследовало ее с первых шагов ее вступления в свет. Вышедши из патентованного садка шестнадцати лет, в семнадцать она уже зацепилась за шпору краснощекого ротмистра Петра Николаича Персианова и затем навсегда поселилась в храме утех полновластной хозяйкою. Целый год беспримерного блаженства встретил молодую женщину на самом пороге семейной жизни. Это был непрерывный ряд балов, *parties de plaisir* {увеселительных поездок.}, выездов, приемов, в которых принимали участие представители всех возможных родов оружия и дипломаты всех ведомств, "*C'etait un reve*" {Это был сон.}, как она сама выражалась об этом времени. По возвращении с бала начиналось, собственно, так называемое семейное счастье и продолжалось вплоть до утра, когда молодые супруги принимались за туалет, предшествующий визитам или приему. От Ольги Сергеевны все были в восхищении: старики называли ее куколкой; молодые кавалеристы, говоря об ней, вращали зрачками. Она кружилась, танцевала, кокетничала, но ни разу не оступилась, а осталась верною своему Петьке до конца (*voila ce que c'est que d'avoir recu une education morale et religieuse!* {вот что значит получить моральное и религиозное воспитание!} говорили об ней старушки). Наконец, осьмнадцати лет, она

сделалась матерью, одною из тех матерей, о которых благовоспитанные сынки говорят: у меня татап такая миленькая, точно куколка! Это происшествие, в свою очередь, положило начало целому ряду новых подвигов, которые опять-таки дали Ольге Сергеевне возможность *etre bien mise, causer, plaire* и ни в чем себе не отказывать. В течение шести недель после родов она неутомимо снаряжала своего маленького Nicolas и наконец достигла-таки того, что он в свою очередь сделался точно куколка.

-- Он у меня совсем-совсем куколка! -- говорила она, показывая Nicolas кавалеристам, товарищам ее мужа, -- куколка! засмейся!

Кавалеристы хвалили "куколку" и в то же время искоса посматривали на другую куколку, на молодую мать.

По прошествии шести недель начались визиты. *Ma tante, mon oncle, mon cousin, la princesse Simborska, la comtesse Romanzoff, la baronne de Fok* {Тетя, дядя, кузен, княгиня Симборская, графиня Романцова, баранесса Фок.}, всех надо было обрадовать, всем сообщить, какой у нас родился "куколка".

-- *Ma tante*, если б вы знали, какой он у меня куколка! *C'est un petit charme!* {Прелестный малютка!} И как все понимает! Представьте себе, на днях я одеваюсь, а он лежит у меня на коленях, и вдруг (следует несколько слов на ухо)... *mais imaginez-vous cela!* {представьте себе!}

-- Ты сама еще куколка! -- улыбаясь, отвечает *ma tante*, -- но чувство матери, мой друг, -- священное чувство! Ты никогда не должна забывать этого!

-- Ах, как я это понимаю, *ma tante!* С той минуты, как у меня родился мой куколка, я точно преобразилась вся! *C'est toute une revelation* {Это совершенное откровение.}. Этого противного Петьку я даже не пускаю к себе... *et vous savez si je l'aime!* {а вы знаете, как я его люблю!} Все думаю о том, как бы мне нарядить моего милого куколку! И если б вы знали, сколько я платьиц ему сшила... *tout un trousseau!* {целое приданое!}

-- Все это очень хорошо, мой друг, но не забудь, что для мальчика главное не в платьицах, а в религиозном чувстве и в твердых нравственных правилах.

-- О! я не забуду! я никогда этого не забуду, ma tante! И даже вот теперь, когда Петька вздумал в прошлый пост есть скоромное, я ему очень твердо объявила: mon cher! теперь не прежнее время! теперь у нас есть сын, которому мы должны подавать пример! si vous faites gras a table, vous iairez maigre ailleurs... {если вы будете много тратить на стол, вам придется экономить на другом...} И при этом так ему погрозила, что он со страху (vous savez, ma tante, comme c'est une grande privation pour lui! {вы знаете, тетя, какое для него это большое лишение!}) съел целую тарелку супу безо всего!!

-- Ну, Христос с тобой, куколка! Поезжай, поделись своей радостью с дядей Павлом Борисычем!

У дяди Павла Борисыча повторилась та же сцена, что и у ma tante, с тою разницей, что вместо нравоучений о религиозном чувстве и твердых правилах нравственности дядя сказал следующее наставление:

-- Ты делаешь очень мило, мой друг, что заботишься о своем куколке. Que ton marmot soit bien lave, bien vetu, qu'il soit presentable, enfin {Пусть твой мальчуган будет хорошо умыт, хорошо одет, словом, пусть будет презентабелен.}, -- все это прекрасно, похвально и необходимо. Но помни, душа моя, что и для него настанет время, когда он будет думать не об атласных одеяльцах и кружевных чепчиках, а о другом атласе, о других кружевах. Vous savez, ma chere, de quoi il s'agit {Вы знаете, дорогая, что я имею в виду.}. Надобно, чтоб он встретил эту минуту с честью. Il faut que se soit un galant homme {Надо, чтобы это был благородный человек.}. Чтоб он не обращался с женщиной, как извозчик или как нынешние национальгарды, которые, отправляясь в общество порядочных женщин, предварительно ищут себе вдохновенья в манежах, кафешантанах и цирках! Чтоб женщина была для него святыня! Чтоб он любил покорять, но при этом умел всегда сохранять вид побежденного!

На что Ольга Сергеевна отвечала:

-- Mon oncle! {Дядюшка!} ужели вы во мне сомневаетесь! Mais le culte de la beauté... c'est tout ce qu'il y a de plus sacré! {Но культ красоты... Это самое священное!} Я теперь совершенно переродилась! Я даже Петьку к себе не пускаю -- et vous savez, comme c'est une grande privation pour lui! {а вы знаете, какое для него это большое лишение!} -- только потому, что он резок немного!

-- Ну, Христос с тобой, куколка! Я с своей стороны высказался, а теперь уж от тебя будет зависеть сделать из твоего "куколки" un homme bien élevé {прекрасно воспитанного человека.}. Поезжай и поделись твоею радостью с братом Никитой Кирилычем.

И так далее, то есть того же содержания и с теми же оттенками сцены у братца Никиты Кирилыча, у comtesse Romanzoff и проч. и проч.

Таким образом прошли два года, в продолжение которых судьба то покровительствовала "куколке", то изменяла ему. Матап относилась к нему как-то капризно: то запоем показывала его всякому приезжающему гостю, то запоем оставляла в детской на руках няnek и бонны. Мало-помалу последняя система превозмогла, так что только в званые обеды и вечера куколку на минуту вызывали в гостиную вместе с хорошенькой швейцаркой-бонной и раскладывали перед гостями, всего в батисте и кружевах, на атласной подушке. Гости подходили, щекотали у "куколки" под брюшком, произносили: "брякишь!" или: "диковинное произведение природы!" и при этом так жадно посматривали на матап, что ей становилось жутко.

На двадцать первом году ("куколке" тогда не было еще трех лет) Ольгу Сергеевну постигло горе: у ней скончался муж. В первые минуты она была как безумная. Просиживала по нескольку минут лицом к стене, потом подходила к рояли и рассеянно брала несколько аккордов, потом подбегала к гробу и утомленно-капризным голосом вскрикивала:

-- Петька! глупый! ты как смеешь умирать! Ты лжешь! ты притворяешься! Дурной! противный! Ты никогда... слышишь, никогда! -- не смеешь бросить твою Ольку!

И слезы как перлы сыпались (именно сыпались, а не лились) из темно-синих глаз и, о диво! -- не производили в них ни красноты, ни опухлости.

Но через шесть недель опять наступила пора визитов, и плакать стало некогда. Надо было ехать к *ma tante*, к *mon oncle*, к *comtesse Romanzoff* и со всеми поделиться своим горем. Вся в черном, немного бледная, с опущенными глазами, Ольга Сергеевна была так интересна, так скромно и плавно скользила по паркету гостиных, что все в почтительном безмолвии расступались перед нею, и в один голос решили: *c'est une sainte!* {это святая!}

-- *Ma tante!* -- говорила между тем Ольга Сергеевна, -- я потеряла свое сокровище! Но я счастлива тем, что у меня осталось другое сокровище -- мой "куколка"!

-- Друг мой, -- отвечала *ma tante*, -- я знаю, потеря твоя велика. Но даже и в самом страшном горе у нас есть всегда верное пристанище -- это религия!

-- Ах, как я это понимаю, *ma tante!* как я это понимаю! С тех пор, как я лишилась моего сокровища, я вся преобразилась! *La religion! mais savez-vous, ma tante, qu'il y a des moments, ou j'ai envie d'avoir des ailes!* {Религия! а знаете ли, тетя, бывают мгновения, когда мне хочется иметь крылья!} И если б у меня не было моего другого сокровища, моего "куколки"...

-- Ну, Христос с тобой, сама ты куколка!.. Поезжай и поделись твоим горем с дядей Павлом Борисычем. Ты знаешь, как старик тебя жалуется.

У дяди Павла Борисыча те же жалобы и то же сочувствие.

-- Я потеряла моего благодетеля, мое сокровище, *mon oncle*, -- говорила Ольга Сергеевна, -- вы знали, как он был добр ко мне! как он любил меня! как исполнял все мои прихоти! А я... я была глупенькая тогда! Я была недостойна его благодеяний! Я... я не понимала тогда, как дорого ему все это стоило!

-- Мой друг, я очень понимаю всю важность твоей потери, -- отвечал *mon oncle*, -- *mais ce n'est pas une raison pour maigrir, mon enfant* {но это не повод, чтобы худеть, дитя мое.}. Вспомни, что ты

женщина и что у тебя есть обязанности перед светом. Смотри же у меня, не худей, а не то я рассержусь и не буду любить мою куколку!

-- Ах, *mon oncle!* вы один добрый, один великодушный! *Vous penetrez si bien dans le coeur d'une femme!* {Вы так хорошо понимаете сердце женщины!} Нет, я не буду худеть, я буду много-много кушать, чтобы вы всегда-всегда могли любить вашу маленькую, несчастную куколку!

-- То-то! ты не очень слушайся тетку Надежду Борисовну! Она там постным маслом да изречениями аббата Гете кормит, а я этого не люблю! Ну, теперь Христос с тобой! Поезжай и поделись твоим горем с братом Никитой Кирилычем!

И т. д. и т. д.

Затем все впало в обычную колею. В течение целых четырех лет Ольга Сергеевна являла собой пример скромности и материнской нежности. "Куколка", временно пренебреженный, вновь выступил на первый план и сделался предметом всевозможных восхищений. Его одевали утром, одевали в полдень, одевали к обеду, одевали к вечеру. Утром к нему приезжал специальный детский доктор, осматривал, ощупывал, присутствовал при его купанье и всякий раз неизменно повторял одну и ту же фразу:

-- О! этот молодой человек будет иметь успех!

На что Ольга Сергеевна столь же неизменно отвечала:

-- Ah, mais savez-vous, docteur, qu'il devient déjà polisson! {А знаете, доктор, он уже начинает шалить!}

Перед обедом "куколку" прогуливали на рысаках по Невскому и по набережной; вечером его приводили в гостиную, всегда полную гостей, и заставляли расшаркиваться и говорить *des amabilites* {любезности.}. У "куколки" были две бонны: англичанка и немка, и одна *institutrice* {гувернантка.} -- француженка. Сверх того, по распоряжению *ma tante*, его посещал отец Антоний, *le pere Antoine*, молодой и благообразный священник, который отличался от своих собратьев тем, что говорил по-французски без латинского акцента, ходил в муар-антиковой рясе и с такою непринужденностью сеял семена религии и нравственности, как будто ему это ровно ничего не

стоило... Идет и сеет, и, по-видимому, даже не замечает, что семена так и сыплются из всех пор его существа. При такой обстановке относительно "куколки" разом достигались все цели хорошего воспитания: и телесная крепость, и привычка к обществу, и прекрасные манеры, и так называемые краткие начатки веры и нравственности.

Не один из лихих кавалеристов, посещавших по вечерам салон Ольги Сергеевны, заглядывался на нее и покушался нарушить мир ее души. Это казалось тем менее трудным, что два года счастливого супружества должны были порядком-таки избаловать хорошенькую молодку, и, следовательно, при такой набалованности ей не легко было разом покончить с утехами прошлого. Сама *ma tante* выражала по секрету свои опасения на этот счет, а *mon oncle* даже прямо выражался: *pourvu que sa soit une bonne petite intrigue bien comme il faut -- le reste ne me regarde pas!* {лишь бы это была милая вполне порядочная интрижка -- остальное меня не касается!} Но, к общему удивлению, Ольга Сергеевна закалилась, как адамант. По временам она, конечно, вспыхивала, щеки ее слегка алели, глаза туманились, грудь поднималась и не умела сдержать затаенного вздоха; но как-то всегда, в эти тяжкие минуты, подоспевал к ней на выручку "куколка". Он бурей влетал в гостиную и так уморительно расшаркивался, что Ольга Сергеевна мгновенно отрезвлялась. Отец Антоний, которому были известны все перипетии этой борьбы слабой женщины с целым корпусом кавалерийских офицеров, сравнивал ее с египетскими пустынножителями и для приобретения большей крепости в брани советовал соблюдать посты. Но даже и с этой стороны интересная вдова не могла считать себя совсем безопасною, потому что сам отец Антоний выслушивал ее "смущенный и очи спустя, как перед матерью виновное дитя", и Ольга Сергеевна так и ожидала, что он нет-нет да и начнет вращать зрачками, как любой кавалерийский корнет. *Ma tante* была так поражена этой неслыханной твердостью, что называла свою племянницу не иначе, как *ma sainte* {святая.}. Один *mon oncle* все еще надеялся, что когда-нибудь *cela viendra* {это придет.}, и продолжал предостерегать Ольгу Сергеевну насчет национальгардов.

И вдруг, через четыре года, Ольга Сергеевна является к ma tante и объявляет, что ей скучно.

-- Но что же с тобой, мой друг? -- спросила ma tante, пораженная этой неожиданностью.

-- Je ne sais, je sens quelque chose la {Не знаю, чувствую что-то здесь.}, -- отвечала Ольга Сергеевна, указывая на грудь, -- одним словом, доктора в один голос приказывают мне ехать за границу!

-- Но как же быть с "куколкой"?

-- Я все обдумала, ma tante; я знаю, что я дурная... что, может быть, я даже преступная мать! -- воскликнула Ольга Сергеевна и вдруг встала перед ma tante на колени, -- ma tante! вы не оставите его! вы замените ему мать!

Жребий "куколки" был брошен. Ma tante согласилась заменить ему мать и взяла на себя насаждение в его сердце правил нравственности и религии. Mon oncle поручился за другую сторону воспитания, то есть за хорошие манеры и искусство побеждать, сохраняя вид побежденного. В результате этих соединенных усилий должен был выйти un jeune homme accompli {безупречный молодой человек.}, рыцарь вежливости и преданности, молодой человек, преисполненный всевозможных bons principes, ipreux chevalier {хороших убеждений, доблестный рыцарь.}, готовый во всякое время объявить крестовый поход против manants et mecreants {мужиков и нехристей.}. Ольга Сергеевна уехала вполне успокоенная.

Годы шли, а интересная вдова как канула за границу, так и исчезла там. Слух был, что она короткое время блеснула на водах, в сопровождении какого-то национальгарда (от судьбы, видно, не убежишь!), но потом скоро уехала в Париж и там поселилась на житье. Потом прошел и еще слух: в Париже Ольга Сергеевна произвела фурор и имела несколько шикарных приключений, которые сделали имя ее очень громким. La belle princesse Persianoff {Прекрасная княгиня Персианова.} сделалась предметом газетных фельетонов и устных скандальных хроник. Называли двух-трех литераторов, одного министра (de l'Empire {империи.}), одного сенатора и даже одного акробата (неизбежное следствие чтения романа "L'homme qui rit"). Доходы с пензенских, тамбовских и

воронежских имений проматывались с быстротою невероятною. Система залогов и перезалогов, продажа лесных и других угодий, находившая при покойном Петьке лишь робкое себе применение, сделалась основанием всех финансовых операций Ольги Сергеевны. "Mais vendez donc cette maudite Tarakanikha qui ne vaut rien et qui ne nous est qu'a charge!" {"Но продайте же эту проклятую Тараканиху, которая ничего не стоит и является для нас только обузой!"} -- непрерывно писала она к одному из своих cousins {кузенов.}, наблюдавшему "из прекрасного далека" за имением ее и ее покойного мужа. И одна за другой полетели Тараканихи, Опалихи, Бычихи, Коняхи, все, что служило обременением, что вдруг оказалось лишним. Наконец репутация Ольги Сергеевны достигла тех пределов, далее которых идти было уж некуда. В газетах рассказывали подробности одной дуэли, в которой интересная вдова играла очень видную, хотя и не совсем лестную для нее роль. Повествовалось, о каком-то butor {грубияне.} из молдаван, о каких-то mauvais traitements {махинациях.}, жертвою которых была la belle princesse russe de P ***, и наконец о каком-то preux chevalier {о доблестном рыцаре.}, который явился защитником мальтретированной красавицы. Тогда петербургские родные встревожились.

-- Et dire que c'etait une sainte! {И подумать только, ведь это была святая!} -- восклицала ma tante.

-- Я предсказывал, что знакомство с национальгардами не доведет до добра! -- зловеще каркал mon oncle.

На семейном совете решено было просить... Разрешение не замедлило, и в силу его Ольга Сергеевна вынуждена была оставить очаровательный Париж и поселиться в деревне для поправления расстроенных семейных дел. В это время ей минуло тридцать четыре года.

А "куколка" тем временем процветал в одном "высшем учебном заведении", куда был помещен стараниями ma tante. Это был юноша, в полном смысле слова многообещающий: красивый, свежий, краснощекий, вполне уверенный в своей дипломатической будущности и в то же время с завистью посматривающий на

бряцающих палашами юнкеров. По части священной истории он знал, что "царь Давид на лире играет во псалтыре" и что у законоучителя их "лимонная борода".

По части всеобщей истории он был твердо убежден, что Рим пал жертвою своевольной черни. По части этнографии и статистики ему небезызвестно было, что человечество разделяется на две отдельных породы: *chevaliers* и *manants*, из коих первые храбры, великодушны, преданны и верны данному слову, вторые же малодушны, трусливы, лукавы и никогда данного слова не выполняют. Он знал также, что народы, которые не роптали, были счастливы, а народы, которые роптали, были несчастливы, ибо подвергались усмирению посредством экзекуций. Сверх того, он курил табак, охотно пил шампанское и еще охотнее посещал театр Берга по воскресным и табельным дням. О *manan* своей он имел самое смутное понятие, то есть знал, *que c'est une sainte*, и что она живет за границей для поправления расстроенного здоровья. Ольга Сергеевна раза два в год писала к нему коротенькие, но чрезвычайно милые письма, в которых умоляла его воспитывать в себе семена религии и нравственности, запас которых всегда хранился в готовности у *ma tante*. Он с своей стороны писал к *manan* чаще и довольно пространно описывал свои занятия у профессоров, так что в одном письме даже подробно изобразил первый крестовый поход. "Представьте себе, милая *manan*, их гнали отсюда, на них плевали, их травили собаками, однако ж они, предводимые пламенным Петром Пикардским, все шли, все шли". Но так как во время этого описания (он сам впоследствии признавался в этом *manan*) его тайно преследовал образ некоторой Альфонсинки и ее куплет:

A Provins

On recolte des roses

Et du jasmin,

Et beaucoup d'autres choses... {*} -

{* В Провене собирают розы и жасмин и много кое-чего другого...}

то весьма естественно, что реляция о крестовом походе заканчивалась следующими словами: "в особенности же с героической стороны выказал себя при этом небольшой французский городок Provins (allez-y, bonne maman! c'est si pres de Paris) {Провен (поезжайте туда, милая мама! это так близко от Парижа).}, который в настоящее время, как видно из географии, отличается изобилием жасминов и роз самых лучших сортов".

Таков был этот юноша, когда ему минуло шестнадцать лет и когда с Ольгой Сергеевной случилась катастрофа. Приехавши в Петербург, интересная вдова, разумеется, расплакалась и прикинулась до того наивною, что когда "куколка" в первое воскресенье явился в отпуск, то она, увидев его, притворилась испуганною и с криком: "Ах! это не "куколка"! это какой-то большой!" -- выбежала из комнаты. "Куколка", с своей стороны, услышав такое приветствие, приосанился и покрутил зачаток уса.

Тем не менее более близкое знакомство между матерью и сыном все-таки было неизбежно. Как ни дичилась на первых порах Ольга Сергеевна своего бывшего "куколки", но мало-помалу робость прошла, и началось сближение. Оказалось что Nicolas прелестный малый, почти мужчина, qu'il est au courant de bien des choses {что он уже обладает некоторым опытом.}, и даже совсем, совсем не сын, а просто брат. Он так мило брал свою конфетку-maman за талию, так нежно целовал ее в щечку, рукулировал ей на ухо de si jolies choses {так мило ворковал ей на ухо.}, что не было даже резона дичиться его. Поэтому минута обязательного отъезда в деревню показалась для Ольги Сергеевны особенно тяжкою, и только надежда на предстоящие каникулы несколько смягчала ее горе.

-- Надеюсь, что ты будешь откровенен со мною? -- говорила она, трепля "куколку" по щеке.

-- Мaman!

-- Нет, ты совсем, совсем будешь откровенен со мной! ты расскажешь мне все твои prouesses; tu me feras un recit detaille sur ces dames qui ont fait battre ton jeune coeur... {подвиги; ты подробно расскажешь мне о женщинах, которые привели в трепет твое

молодое сердце...} Ну, одним словом, ты забудешь, что я твоя мама, и будешь думать... ну, что бы такое ты мог думать?... ну, положим, что я твоя сестра!..

-- И, черт возьми, прехорошенькая! -- прокартавил Nicolas (в экстренных случаях он всегда для шика картавил), обнимая и целуя свою маму.

И мама уехала и стала считать дни, часы и минуты.

Село Перкали с каменным господским домом, с огромным, прекрасно содержимым господским садом, с многоводною рекою, прудами, тенистыми аллеями -- вот место успокоения Ольги Сергеевны от парижских треволнений. Комната Nicolas убрана с тою рассчитанною простотою, которая на первом плане ставит комфорт и допускает изящество лишь как необходимое подспорье к нему. Ковры на полу и на стенах, простая, но чрезвычайно покойная постель, мебель, обитая сафьяном, массивный письменный стол, уставленный столь же массивными принадлежностями письма и куренья, небольшая библиотека, составленная из избраннейших романов Габорио, Монтепена, Фейдо, Понсон-дю-Терайля и проч., и, наконец, по стенам целая коллекция ружей, ятаганов и кинжалов -- вот обстановка, среди которой предстояло Nicolas провести целое лето.

Первая минута свидания была очень торжественна.

-- *Voici la demeure de vos ancetres, mon fils!* {Вот жилище ваших предков, сын мой!} -- сказала Ольга Сергеевна, -- может быть, в эту самую минуту они благословляют тебя *la haut!* {там наверху!}

Nicolas, как благовоспитанный юноша, поник на минуту головой, потом поднял глаза к небу и как-то порывисто поцеловал руку матери. При этом ему очень кстати вспомнились стихи из хрестоматии:

И из его суровых глаз

Слеза невольная скатилась...

И он вдруг вообразил себе, что он седой, что у него суровые глаза, и из них катится слеза.

-- А вот и твоя комната, Nicolas, -- продолжала мама, -- я сама уставляла здесь все до последней вещицы; надеюсь, что ты будешь доволен мною, мой друг!

Глаза Nicolas прежде всего впились в стену, увешанную оружием. Он ринулся вперед и стал один за другим вынимать из ножен кинжалы и ятаганы.

-- Mais regardez, regardez, comme c'est beau! oh, maman! merci! vous etes la plus genereuse des meres! {Но взгляните, взгляните, какая красота! о, мама! спасибо! вы самая щедрая из матерей!} -- восклицал он, в ребяческом восторге разглядывая эти сокровища, -- этот ятаган... черт возьми!..

-- Этот ятаган -- святыня, мой друг, его отнял твой дедушка Николай Ларионыч -- c'etait le bienfaiteur de toute la famille! -- а je ne sais plus quel Turc {это был благодетель всей семьи! -- у какого-то турка.}, и с тех пор он переходит в нашем семействе из рода в род! Здесь все, что ты ни видишь, полно воспоминаний... de nobles souvenirs, mon fils! {благородных воспоминаний, сын мой!}

Nicolas вновь поник головой, подавленный благородством своего прошлого.

-- Вот этот кинжал, -- продолжала Ольга Сергеевна, -- его вывезла из Турции твоя grande tante, которую вся Москва звала la belle odalisque {прекрасная одалиска.}. Она была пленная турчанка, но твой grand oncle Constantin так увлекся ее глазами (elle avait de grands-grands yeux noirs! {у нее были большие-большие черные глаза!}), что не только обратил ее в нашу святую, православную веру, notre sainte religion orthodoxe, но впоследствии даже женился на ней. И представь себе, mon ami, все, кто ни знал ее потом в Москве... никто не мог найти в ней даже тени турецкого! Она принимала у себя всю Москву, давала балы, говорила по-французски... mais tout a fait comme une femme bien elevee! {как

прекрасно воспитанная женщина!} По временам даже журила самого Светлейшего! Nicolas поник опять.

-- А вот это ружье -- ты видишь, оно украшено серебряными насечками -- его подарил твоему другому grand oncle, Ипполиту, сам светлейший князь Таврический -- tu sais? l'homme du destin! {знаешь? баловень судьбы!} Покойный Pierre рассказывал, что "баловень фортуны" очень любил твоего grand oncle и даже готовил ему блестящую карьеру, mais il paraît que le cher homme était toujours d'une très petite santé {но, кажется, милый человек отличался всегда очень плохим здоровьем.} -- и это место досталось Мамонову.

-- Fichtre! c'est le grand oncle surnomme le Bourru bienfaisant? {Черт возьми! так это дед, названный благодетельным букой?} Так вот он был каков!

-- Он самый! Depuis lors il n'a pas pu se consoler {С тех пор он не мог утешиться.}. Он поселился в деревне, здесь поблизости, и все жертвует, все строит монастыри. C'est un saint, и тебе непременно нужно у него погостить. Что он вытерпел -- ты не можешь себе представить, мой друг! Десять лет он был под опекой по доносу своего дворецкого (un homme, dont il a fait la fortune! {человека, которого он облагодетельствовал!}) за то, что будто бы засек его жену... lui! un saint! {он! святой!} И это после того, как он был накануне такой блестящей карьеры! Но и затем он никогда не позволял себе роптать... напротив, и до сих пор благословляет то имя... mais tu me comprends, mon ami? {но понимаешь ли ты меня, мой друг?}

Nicolas в четвертый раз поник головой.

-- Но рассказывать историю всего, что ты здесь видишь, слишком долго, и потому мы возвратимся к ней в другой раз. Во всяком случае, ты видишь, что твои предки и твой отец -- oui, et ton pere aussi, quoiqu'il soit mort bien jeune! {да, и твой отец, хотя он и умер очень молодым!} -- всегда и прежде всего помнили, что они всем сердцем своим принадлежат нашему милому, доброму, прекрасному отечеству!

-- Oh, maman! la patrie! {О, мама! отечество!}

-- Oui, mon ami, la patrie -- vous devez la porter dans votre coeur! {Да, мой друг, отечество -- вы должны носить его в своем сердце!} А прежде всего -- дворянский долг, а потом нашу прекрасную православную религию (si tu veux, je te donnerai une lettre pour l'excellent abbe Guete {если хочешь, я тебе дам письмо к милейшему аббату Гете.}). Без этих трех вещей -- что мы такое? Мы путники или, лучше сказать, пловцы...

-- "Без кормила, без весла", -- вставил свое слово Nicolas, припомнив нечто подобное из хрестоматии.

-- Ну да, c'est juste {верно.}, ты прекрасно выразил мою мысль. Я сама была молода, душа моя, сама заблуждалась, ездила даже с визитом к Прудону, но, к счастью, все это прошло, как больной сон... et me voila!

-- Oh, maman! le devoir! la patrie! et notre sainte religion! {И вот я тут! О, мама! долг! отечество! и наша святая вера!}

Ольга Сергеевна, в свою очередь, поникла головой и даже умилилась.

-- Ты не поверишь, мой друг, как я счастлива! -- сказала она, -- я вижу в тебе это благородство чувства, это je ne sais quoi! Mais sens donc, comme mon coeur bondit et trepigne! {Не знаю что! Посмотри, как сердце мое бьется и трепещет!} Нет, ты не поймешь меня! ты не знаешь чувств матери! Mais c'est quelque chose d'ineffable, mon enfant, mon noble enfant adore! {Это что-то невыразимое, мое дитя, мое благородное обожаемое дитя!}

Этим торжество приема кончилось. За обедом и мать и сын уже болтали, смеялись и весело чокались бокалами, причем Ольга Сергеевна не без лукавства говорила Nicolas:

-- А помнишь, душа моя, ты писал мне об одном городке Provins, который изобилует жасминами и розами; признайся, откуда ты взял это сведение?

-- Maman! я получил его в театре Берга! Parbleu! on enseigne tres bien la geographie dans ce pays-la! {Право же! в этой стране хорошо преподают географию!}

Первое время мать и сын не могли насмотреться друг на друга. Ольга Сергеевна, как институтка, бегала по тенистым аллеям, прыгала на pas-de-geant; {гигантских шагах.} Nicolas ловил ее и, поймавши, крепко-крепко целовал.

-- Матап! расскажите, как вы познакомились с рара?

-- Папа был немного груб... но тогда это как-то нравилось, -- слегка заалевшись, отвечает Ольга Сергеевна.

-- Еще бы! Sacre nom! vous autres femmes! c'est votre ideal d'etre maltraitees! {Знаем мы вас, женщины! Вы любите, чтобы с вами грубо обращались.} Ну-с! как же ты с ним познакомилась?

-- Мы встретились в первый раз на бале, и он танцевал со мной сначала кадрили, потом мазурку... Тогда лиффы носили очень короткие -- c'etait presque aussi ouvert qu'a present {они были почти так же открыты, как теперь.} -- и он все смотрел... это было очень смешно!

-- Еще бы не смотреть! est-ce qu'il y a quelque chose de plus beau qu'un joli sein de femme. {что может быть прекраснее красивой груди женщины.} Ну-с, дальше-с.

-- Потом он сделал предложение, а через месяц нас обвенчали. Mais comme j'avais peur si tu savais! {Но как я боялась, если б ты знал!}

-- Еще бы! Кувыркком!

-- Колька! негодный! разве ты знаешь!

-- Гм...

-- Ведь тебе еще только шестнадцать лет!

-- Семнадцатый-с... Я, матап, революций не делаю, заговоров не составляю, в тайные общества не вступаю... laissezmoi au moins les femmes, sapristi! {оставьте на мою долю хоть женщин, черт побери!} Затем, продолжайте.

-- Et puis!.. c'etait comme une epopée! c'etait tout un chant d'amour! {А потом... это была сказка! Это была песня любви!}

-- Да-с, тут запоешь, как выражается мой друг, Сеня Бирюков!

-- Et puis... il est mort! {А потом... он умер!} Я была как безумная. Я звала его, я не хотела верить...

-- Еще бы! сразу на сухояденье!

-- Ах, Nicolas, ты шутишь с самым священным чувством! Говорю тебе, что я была совершенно как в хаосе, и если бы у меня не остался мой "куколка"...

-- "Куколка" -- это я-с. Стало быть, вы мне одолжены, так сказать, жизнью. Parbleu! хоть одно доброе дело на своем веку сделал! Но, затем, прошли целые двенадцать лет, maman... ужели же вы?... Но это невероятно! si jeune, si fraiche, si pimpante, si jolie! {такая молодая, такая свежая, такая нарядная, такая хорошенькая!} Я сужу, наконец, по себе... Jamais on ne fera de moi un moine! {Никогда не сделают из меня монаха!}

Ольга Сергеевна алеет еще больше и как-то стыдливо поникает головой, но в это же время исподлобья взглядывает на Nicolas, как будто говорит: какой же ты, однако, простой: непременно хочешь mettre les points sur les il {поставить точки над i.}

-- Treve de fausse honte! {Прочь ложный стыд!} -- картавит между тем Коля, -- у нас условлено рассказать друг другу все наши prouesses! {подвиги!} Следовательно, извольте сейчас же исповедоваться передо мной, как перед духовником!

Ольга Сергеевна на мгновение заминается, но потом вдруг бросается к сыну и прячет у него на груди свое лицо.

-- Nicolas! Я очень, очень виновата перед тобой, мой друг! -- шепчет она.

-- Еще бы! такая хорошенькая! Mais sais-tu, petite mere, que meme a present tu es jolie a croquer... parole! {А знаешь ли ты, мамочка, даже сейчас ты прелестна, как херувим... клянусь!}

-- Ah! tu viens de m'absoudre! mon genereux fils! {Ах! ты меня прости! Мой великодушный сын!}

-- Не только абсудирую, но и хвалю! Итак...

-- Ах, "он" так любил меня, а я была так молода... Ты знаешь, Pierre был очень груб, и хотя в то время это мне нравилось... mais "lui"! C'etait tout un poeme. Il avait de ces delicatesses! de ces attentions! {зато "он"! Это была настоящая поэма. Он был так нежен, так внимателен!}

-- Та-та-та! Вы, кажется, изволили пропустить целую главу! а этот кавалерист, который сопровождал вас за границу? Тот, который так пугал mon grand oncle Paul своими усами и своими jurons?? {грубостями??}

-- C'etait un butor! {Это был грубиян!}

-- Passons {Дальше.}. Но кто же был этот "он", celui qui avait des delicatesses? {тот, который был так нежен?}

-- Он писал сначала в "Journal pour rire", потом в "Charivari", потом в "Figaro"... Ах, если б ты знал, как он смешно писал! И все так мило! И мило и смешно! И как он умел оскорблять! Et avec cela brave, maniant a merveille l'epee, le sabre et le pistolet! {И вместе с тем brave, чудесно владеющий шпагой, саблей и пистолетом!} Все журналисты его боялись, потому что он мог всех их убить!

-- Et joli garçon? {И красивый мальчик?}

-- Beau... mais d'une beaute! {Красив... изумительно красив!}
Повторяю тебе, это была целая поэма! Et avec sa, adorant le trone, la patrie et la sainte eglise catholique! {И вместе с тем он обожал трон, отечество и святую католическую церковь!}

Ольга Сергеевна вздыхает и как-то сосредоточенно мнет в своей руке ветку цветущей сирени. Мысли ее витают там, на далеком Западе, au coin du boulevard des Capucines {на углу бульвара Капуцитток.}, Э 1, там, где она однажды позабыла свой bonnet de nuit {ночной чепчик.}, где Anatole, который тогда писал в "Figaro", на ее глазах сочинял свои милейшие blagues (oh! comme il savait blaguer, celui-la! {фантазии, шутки (о, как забавно фантазировал!)})) и откуда ее навсегда вырвал семейный деспотизм! В эту минуту она забывает и о сыне и о его prouesses, да и хорошо делает, потому что вспомни она об нем, кто знает, не возненавидела ли бы она его как первую, хотя и невольную, причину своего заточения?

-- Ну, а насчет Прудона как? -- пробуждает ее голос Nicolas.

-- N'en parlons pas! {Не будем говорить об этом!}

Ольга Сергеевна говорит это уже с оттенком гнева и начинает быстро ходить взад и вперед по кругу, обрамленному густыми лицами.

-- Вообще, будет обо всем этом! -- продолжает она с волнением, -- все это прошло, умерло и забыто! Que la volonte de Dieu soit faite! {Да исполнится воля божия!} А теперь, мой друг, ты должен мне рассказать о себе!

Ольга Сергеевна садится, Nicolas с невозмутимой важностью покачивается на скамейке, обнявши обеими руками приподнятую коленку.

-- Et bien, maman, -- говорит он, -- nous aimons, nous folichonnons, nous buvons sec! {Что ж, мама, мы любим, шалим, выпиваем!}

Маман как-то сладко смеется; в ее голове мелькает далекое воспоминание, в котором когда-то слышались такие же слова.

-- Raconte-moi comment *cela* t'est venu? {Расскажи мне, как это с тобой случилось?} -- спрашивает она.

-- Mais... c'est simple comme bonjour! {Но... это просто, как день!} -- картавит Nicolas, -- однажды мы были в цирке... перед цирком мы много пили... et apres la representation... ma foi! le sacrifice etait consomme! {И после представления... черт возьми! жертвоприношение было совершено!}

Ольга Сергеевна, ожидавшая пикантных подробностей и перипетий, смотрит на него с насмешливым удивлением. Как будто она думает про себя: странно! точь-в-точь такое же животное, как покойный Петька!

-- И ты?.. -- спрашивает она.

Но Nicolas подмечает насмешливый тон этого вопроса и спешит поправиться.

-- Maman! -- говорит он восторженно. -- C'etait, comme vous l'avez si bien dit, tout un poeme! {Это была, как вы прекрасно сказали, настоящая поэма!}

Эта фраза словно пробуждает Ольгу Сергеевну; она снова вскакивает с скамейки и снова начинает ходить взад и вперед по кругу. Прошедшее воскресает перед ней с какою-то подавляющею, непреодолимую силою; воспоминания так и плывут, так и плывут. Она не ходит, а почти бежит; губы ее улыбаются и потихоньку напевают какую-то песенку.

"C'etait tout un poeme!" -- мелькает у ней в голове.

Проходит несколько дней; рассказы о прошедших *proesses* исчерпываются, но их заменяет сюжет столько же, если не больше, животрепещущий. Дело в том, что Ольга Сергеевна еще за границей слышала, что в Петербурге родились какие-то нигилисты, род особенного сословия, которого не коснулись краткие начатки нравственности и религии и которое, вследствие того, ничем не занимается, ни науками, ни художествами, а только делает революции. Когда же она, сверх того, узнала, что в члены этого сословия преимущественно попадают молодые люди, то материнским опасениям ее не стало пределов. Она тотчас же собралась писать к "куколке", чтоб предостеречь и вразумить его, и, конечно, выполнила бы свое намерение, если б в эту самую минуту к ней не пришел Anatole с какою-то только что измышленною им *bonne petite blague*. Эта *blague* была так мила, так остроумна и весела, что Ольга Сергеевна целый день хохотала до слез и к вечеру не только утратила ясное представление о нигилистах, но даже почему-то вообразила, что это просто вновь открытая угнетенная национальность (*les polonais, les italiens... les nihilistes!* {поляки, итальянцы... нигилисты!}), которая, в этом качестве, имеет право на собственную свою конституцию и на собственные свои законы. Хотя же впоследствии события не один раз напоминали ей об ужасных делах этих "ужасных людей" и она опять собиралась писать по этому поводу к "куколке", но Anatole с своей стороны тоже не дремал и был так неистощим на *blagues*, что все усилия думать о чем-нибудь

другом, кроме этих прелестных blagues, остались тщетными. Так продолжалось все время до самого переселения в Перкали. Тут она окончательно припомнила все слышанное о нигилистах и решилась немедленно испытать политические убеждения "куколки".

Завтрак кончился; Nicolas только что рассказал свою последнюю proesse и, покачиваясь на стуле, мурлыкает: "Mon pere est a Paris"; {"Мой отец в Париже"}. Ольга Сергеевна ходит взад и вперед по столовой и некоторое время не знает, как приступить к делу.

-- Надеюсь, мой друг, что ты не нигилист! -- наконец отрезывает она, -- нигилисты -- это те самые, которые гражданский брак выдумали!

-- Maman! вы очень хорошо знаете, что я консерватор! -- обижается Nicolas.

-- Je sais bien que vous etes un noble enfant! {Я хорошо знаю, что вы благородный мальчик!} но знай, Nicolas, что если б когда-нибудь тебе зашла в голову мысль о революции... vous ne serez plus mon fils... vous m'entendez?.. {вы больше не будете мне сыном... вы меня понимаете?..}

-- Maman! вы странная! вы лучшая из матерей, но вы не понимаете меня.

-- Ah! les hommes sont bien mechants! {Ах! люди очень злы!} они так искусно расставляют свои сети, что я не могу... нет, нет, не могу не дрожать за тебя. И потому, если б когда-нибудь, по какомунибудь случаю, тебя постигло искушение...

-- Parbleu! je voudrais bien voir! {Черт возьми! желал бы я посмотреть!}

-- Не шути этим, Nicolas! Люди вообще коварны, а нигилисты -- это даже не люди... это... это злые духи, -- et tu sais d'apres la Bible ce que peut un esprit malfaisant {а ты знаешь по Библии, что может злой дух}. А потому, если они будут тебя искушать, вспомни обо мне... вспомни, мой друг!.. и помолись! La priere -- c'est tout {молитва -- это все}. Она даст тебе крылья и мигом прогонит весь этот cauchemar de moujik {мужицкий кошмар}. Дай мне слово, что ты исполнишь это!

-- Маман! вы странная!

-- Нет, дай мне слово! успокой меня!

-- Даю вам миллион триста тысяч слов, что каждый из этих злых духов, при первом свидании, получит от меня такую taloche {взбучку.}, что забудет в другой раз являться с предложениями) О! я эти революции из них выбью! Я их подтяну!

Nicolas надувается и вскакивает; глаза его искрятся; лицо принимает торжественное выражение. Он таким орлом прохаживается по зале, как будто на него возложили священную обязанность разыскать корни и нити, и он, во исполнение, напал на свежий и совершенно несомненный след.

-- Маман! -- произносит он важно, -- желаете ли вы, чтоб я открыл перед вами мою profession de foi? {свои убеждения?}

-- Mon fils! {Мой сын!}

-- Alors escoutez bien ceci {В таком случае слушайте.}. Я консерватор; я человек порядка. Et en outre je suis legitimiste! L'ordre, la patrie et notre sainte religion orthodoxe -- voici mon programme a moi {И кроме того, я легитимист! Порядок, отечество и наша святая православная вера -- вот моя программа.}. Что касается до нигилистов, то я думаю об них так: это люди самые пустые и даже -- passez-moi le mot {простите за выражение.} -- негодяи. Ils n'ont pas de fond, ces gens-la! ils tournent dans un cercle vicieux! {У этих людей нет никаких основ! они вертятся в заколдованном кругу!} Надеюсь, что теперь вы меня понимаете?

-- Какой ты, однако ж...

"Умный", хотела сказать Ольга Сергеевна, но вдруг остановилась. Она совсем некстати вспомнила, что даже ее покойный Пьер ("le pauvre ami! {бедный друг!} он никогда ничего не знал, кроме телесных упражнений!") -- и тот однажды вдруг заговорил, когда зашла речь о нигилистах. "И, право, говорил не очень глупо!" -- рассказывала она потом об этом диковинном случае его товарищам-кавалеристам.

А Nicolas между тем надувается все больше и больше.

-- Благодаря моему воспитанию, -- ораторствует он, -- благодаря вам, *ma noble et sainte mere*, la ligne de conduite que j'ai a suivre est toute tracee. Cette ligne -- la voici: {моя благородная и святая мать, линия поведения, которой я следую, вполне ясна. Эта линия -- следующая.} желай в пределах возможного, беспрекословно исполняй приказания начальства, будь готов, *et ne te mele pas de politique* {и не вмешивайся в политику.}. Один из наших гувернеров сказал святую истину: *nul part, a-t-il dit, on n'est aussi tranquille qu'en Russie! pourvu qu'on ne fasse rien, personne ne vous inquiete!!* {нигде так спокойно не живет, сказал он, как в России! лишь бы ничего не делать, никто тебя не тронет!!} А в переводе это значит: не возносись, не пари в облаках -- и никто тебя не тронет. Но если ты желаешь парить -- что ж, милости просим! Только уж не прогневайся, *mon cher*, если с облаков ты упадешь где-нибудь... *ou cela ne sent pas la rose!* {где не пахнет розами!}

-- *Merci! merci, mon fils!* -- страстно произносит Ольга Сергеевна.

Но *Nicolas* не слушает и, постепенно разгорячаясь, несколько раз сряду повторяет:

-- *Oui, dans cet endroit-la cela ne sentira pas la rose... je le garantie!* {Да, там розами пахнуть не будет... за это я ручаюсь!}

Мало-помалу, раздражаясь собственной фантазией, он вступает в тот фазис, когда человеком вдруг овладевает какая-то нестерпимая потребность лгать. Он останавливается против *таман*, несколько времени смотрит на нее в упор, как будто готовится к чему-то необычайному.

-- Вы знаете ли, *таман*, что это за ужасный народ! -- восклицает он, -- -- они требуют миллион четыреста тысяч голов! *Je vous demande, si c'est pratique!* {Я спрашиваю вас, целесообразно ли это!}

С минуту и мать и сын оба молчат, подавленные.

-- Они говорят, что наука вздор... *la science!* {наука!} что искусство -- напрасная потеря времени... *les arts!* {искусства!} что всякий сапожник в сто раз полезнее Пушкина... *Pouschkinn!*

Новая минута молчания.

-- Они отвергают брак, ils vivent comme des chiens avec leurs chiennes! {они живут, как кобели со своими суками!} Они не признают таинств, религии, церкви... notre sainte eglise orthodoxe! Et vous me demandez, si je suis nihiliste!! {нашей святой православной церкви! И вы спрашиваете меня, не нигилист ли я!}

Ольга Сергеевна не может больше владеть собой и бросается к Nicolas.

-- Nicolas! Я вижу! я все теперь вижу! Tu es un noble et saint enfant! {Ты благородный и святой мальчик!} но скажи, ты знал? ты знал кого-нибудь из этих страшных людей? -- с каким-то ужасом спрашивает она.

-- Maman! Я видел одного из них на Невском: il etait mal reigne, pas du tout lave... {плохо причесан, неумыт.} и от него пахло!

-- L'horreur! {Ужас!}

Политическая программа Nicolas не только успокаивает Ольгу Сергеевну, но даже внушает ей уважение к сыну.

-- До сих пор я только любила тебя, -- говорит она, -- теперь я тебя уважаю!

На что Nicolas со всем энтузиазмом пламенной души отвечает:

-- Oh! ma noble et sainte mere! mais sentez donc! sentez, comme mon soeur bondit et trepigne {О! моя добрая святая мать! попробуйте! попробуйте, как бьется и трепещет мое сердце.}

Вообще "куколка" доволен собой выше всякой меры. Во-первых, благодаря маман, он узнает, что он консерватор (до сих пор все его политические убеждения заключались в том, чтобы не пропустить ни одного праздничного дня, не посетивши театра Берга) и что ему предстоит в будущем какая-то роль; во-вторых, слова Ольги Сергеевны об уважении окончательно возносят его на недостижимую высоту. Он целые дни ходит в забытьи, целые дни строит планы за планами и, наконец, делается до того подозрительным, что впадает почти в ясновидение.

-- Aujourd'hui j'ai reve! {Сегодня я видел сон!} -- говорит он однажды. -- Мне снилось, что я сделался невидимкой и присутствую при их совещаниях! Можете себе представить, тамап, какие я при этом сделал открытия!

В другой раз он обращает внимание тамап на вредное направление умов, замеченное им между поселянами.

-- Как хотите, тамап, -- ораторствует он, -- -- а чувство уважения к священному принципу собственности так мало в них развито, что я почти прихожу в отчаяние. Вчера из парка выгнали крестьянскую корову; сегодня, на господском овсе, застали целое стадо гусей. Я думаю, что система штрафов была бы в этом случае очень-очень действительна!

Наконец, в третий раз, он объявляет, что видел на селе настоящего нигилиста.

-- Но кого же, мой друг? -- изумленно спрашивает Ольга Сергеевна.

-- Tu sais... ce seminariste... {Знаешь... этот семинарист...} сын нашего священника. Представь себе, встречается давеча со мной и пренагло-нагло подает мне руку... canaille! {каналья!}

Открытие это несколько смущает Ольгу Сергеевну. Она, с своей стороны, уже заметила Аргентова (фамилия заподозренного семинариста), и ей даже показалось, что он не только не нигилист, но даже "благонамеренный". Именно "благонамеренный", не "консерватор" -- "консерваторами" могут быть только les gens comme il faut {порядочные люди.}, -- а "благонамеренный", то есть смирный, послушный, преданный. Аргентов был высокий и плотный молодой человек; голова у него была большая и кудрявая; черты лица несколько крупны, но не без привлекательности; вся фигура дышала силой и непочатостью. Все это Ольга Сергеевна заметила. "Il est du peuple, c'est vrai {Он из простого народа, это верно.}, -- думала она про себя, -- mais quelquefois ces gens-la ont du bon" {Но иногда у этих людей есть кое-что хорошее.}. И она до такой степени прониклась убеждением, что Аргентов "благонамеренный", что однажды, выходя из церкви, даже просила отца Карпа когда-нибудь привести его.

-- После, -- прибавила она, -- теперь дайте мне насмотреться на моего "куколку"! Он у меня такой серьезный, непременно хочет оставаться со мной один! Ведь вы еще не скоро уезжаете отсюда, мсье Аргентов?

-- Все зависит от местов-с, -- отвечал молодой человек, -- как скоро откроется вакансия, тогда уж будет не до знакомств-с, а надо будет думать о приискании невесты-с!

-- Ну, будет время, еще познакомимся! -- сказала Ольга Сергеевна, садясь в экипаж, между тем как Аргентов удалялся восвояси, напевая звучным басом: "Телесного озлобления терпети не могу".

С тех пор мысль об Аргентове посещала ее довольно настойчиво. В голове ее даже завязывались по этому случаю целые романы с длинными зимними вечерами, с таинственным мерцаньем лунного луча, и с этою страстною, курчавою головой, si pleine de seve et de vigueur! {так полной сока и силы!} Она полулежит на диване, глаза ее зажмурены, а его голос гремит и дрожит, и в ушах ее бессвязно раздаются какие-то страстные, пламенные слова. Ей сладко мечтать под эти страстные звуки, она не сознает даже содержания их, а только тихо-тихо поддается им, побежденная их страстностью... И как он мило брюзжит, когда она, в самом разгаре его диатриб, вдруг выйдя из забытья, "совсем-совсем некстати" обращается к нему с вопросом:

-- А вы читали Оссиана, Аргентов?

-- Не об Оссиане идет теперь речь, -- кричит он на нее, вскакивая как ужаленный, -- а о народных страданиях-с! Поймете ли вы это когда-нибудь, барыня?

"Странное дело! -- думается ей, -- сколько раз я предлагала этот вопрос... там... а Paris... и все "они" отвечали мне таким же образом! Все, все сердились".

И вдруг "куколка" разрушает весь этот reve, объявляя, что Аргентов -- нигилист! Un homme qui n'a pas de religion!! {Безбожник!} человек, который выдумал гражданский брак!!

-- Но не ошибаешься ли ты, мой друг? -- говорит она как-то робко. -- Мне кажется... он благонамеренный!

-- Нет, нет, у меня это уж инстинкт, и он меня никогда-никогда не обманывал! Все эти *filis de pore* {поповичи.} нарочно говорят глупые слова, чтоб скрыть, что они делают революции! А что у них на уме одни революции -- *c'est un fait avere!* } И не меня они обманут своим смирением!

Одним словом, восторженность Nicolas растет до того, что он начинает вскакивать по ночам, кричать, кого-то требовать к ответу, что причиняет Ольге Сергеевне не мало тревоги.

-- Maman! -- восклицает он однажды, -- *je sens que le mourrai, mais au moins je mourrai a mon poste! Touchez ma tete -- elle est tout en feu!* {это факт доказанный!}

-- Но ты бы чем-нибудь рассеял себя, -- испуганно говорит она, -- посмотрел бы на наше хозяйство, позвал бы управляющего!

-- Oh, maman! все это кажется мне теперь так ничтожным... *si petit, si mesquin!* {я чувствую, что умру, но, по крайней мере, умру на своем посту! Троньте мою голову -- она вся в огне!}

-- Но подумай, мой друг, у тебя будут дети; это твой долг, *c'est ton devoir de leur transmettre intacts tes droits, tes biens, ton beau nom* {твой долг -- передать им неприкосновенными твои права, твое имущество, твое доброе имя.}.

-- *Encore un devoir! quel fardeau! et quelle triste chose, que la vie, maman!* {Еще долг! какое бремя! и какая печальная вещь жизнь, мама!}

Но Ольга Сергеевна уже не слушает и посылает к Nicolas управляющего. Nicolas, с свойственной ему стремительностью, излагает пред управляющим целый ряд проектов, от которых тот только таращит глаза. Так, например, он предлагает устроить на селе кафе-ресторан, в котором крестьяне могли бы иметь чисто приготовленный, дешевый и притом сытный обед (и богу бы за меня молили! мелькает при этом у него в голове).

-- Понимаешь? понимаешь? -- толкует он, -- я не того требую, чтоб были у них голландские скатерти, а чтоб было все чисто, мило, просто! -- понимаешь?

Потом, не давши этой идее дальнейшего развития, он переходит к пчеловодству и доказывает, что при современном состоянии науки ("la science!" {"наука!"}) можно заставить пчел делать какой угодно мед -- липовый, розовый, резедовый и т. д.

-- Понимаешь? понимаешь? я люблю липовый мед, ты -- резедовый... и мы оба... понимаешь?

Наконец бросает и эту материю, грозит управляющему пальцем и с восклицанием "я вас подтяну!" -- убегает к маман.

-- Маман! да тут у вас какие-то Каракозовы завелись! -- раздражается он.

С этих пор кличка "Каракозов" остается за управляющим навсегда.

Наконец Ольга Сергеевна вспоминает, что в соседстве с ними живет молодой человек, Павел Денисыч Мангушев, и предлагает Nicolas познакомиться с ним.

-- Опять какой-нибудь Каракозов? -- острит Nicolas.

-- Нет, мой друг, это молодой человек -- совсем-совсем одних мыслей с тобою. Он консерватор, il est connu comme tel {известен как таковой}, хотя всего только два года тому назад вышел из своего заведения. Вы понравитесь друг другу.

-- Гм... можно!

Павел Денисыч Мангушев живет всего в десяти верстах от Персиановых, в прекраснейшей усадьбе, ни в чем не уступающей Перкалям. В ней все тенисто, прохладно, изобильно и привольно. Обширный каменный дом, густой, старинный сад, спускающийся террасой к реке, оранжереи, каменные службы, большой конный завод, и кругом -- поля, поля и поля. Сам Мангушев -- совершенно исковерканный молодой человек, какого только возможно представить себе в наше исковерканное всякими bons и mauvais principes {хорошими и дурными принципами.} время. Воспитание он получил то же самое, что и Nicolas, то есть те же "краткие начатки" нравственности и религии и то же бессознательно сложившееся убеждение, что человеческая раса разделяется на chevaliers и

manants {рыцарей и мужиков.}. Хотя между ними шесть лет разницы, но мысли у Мангушева такие же детские, как у Nicolas, и так же подернуты легким слоем разврата. Ни тот, ни другой не подозревают, что оба они -- шалопаи; ни тот, ни другой не видят ничего вне того круга, которого содержание исчерпывается чищением ногтей, анализом покроя галстуков, пиджаков и брюк, оценкою кокоток, рысаков и т. д. Единственная разница между ними заключалась в том, что Nicolas готовил себя к дипломатической карьере, а Мангушев, *par principe*, {из принципа.} всему на свете предпочитал *la vie de chateau* {жизнь в поместье.}. В последнее время у нас это уже не редкость. Прежде помещики поселялись в деревнях, потому что там дешевле и привольнее жить, потому что ни Катька, ни Машка, ни Палашка не смеют ни в чем отказать, потому что в поле есть заяц, в лесу -- медведь, и т. д. Теперь поселяются в деревнях *par principe*, для того, чтоб сеять какие-то семена и поддерживать какие-то якобы права... Таким образом, если для Nicolas предстояло проводить в жизни шалопайство дипломатическое, то Мангушев уже два года сряду проводил шалопайство *de la vie de chateau*.

-- *Vous autres, gens de l'epée et de robe* {Вы, люди военные и чиновники.}, -- обыкновенно выражался Мангушев, -- вы должны администрировать, заботиться о казне, защищать государство от внешних врагов... *que sais-je! Nous autres, chatelains, nous devons rester a notre poste!* {и прочее! Мы, помещики, должны оставаться на нашем посту!} Мы должны наблюдать, чтоб здесь, на местах, взошли эти семена... Одним словом, чтоб эти краеугольные камни... *vous concevez?* {понимаете?}

Выражение "краеугольные камни" он как-то особенно подчеркивал и всегда останавливался на нем. Он покручивал свои усики, пристально поглядывал на своего собеседника и умолкал, вполне уверенный, что все, что надлежало сказать, уже высказано. В сущности же, "краеугольные камни", о которых здесь упоминалось, состояли в том, что Мангушев по утрам чистил себе ногти и примеривал галстухи, потом -- ездил по соседям или принимал таковых у себя и, наконец, на ночь, зевая, выслушивал рапорты

своих: chef de l'administration {управляющего.} и chef du haras {заведующего конным заводом.}.

-- Я, messieurs, не знаю, что такое скука! -- выражался он, рассказывая об употреблении своего дня, -- моя жизнь -- это жизнь труда, забот и распоряжений. Nous autres, simples travailleurs de la civilisation, nous devons a nos descendants de leur transmettre intacts nos fortunes, nos droits et nos noms {Мы, скромные работники на ниве цивилизации, должны передать нашим потомкам неприкосновенными наши владения, наши права и наши имена.} (Ольга Сергеевна от него заразилась этой фразой, когда рекомендовала "куколке" заняться хозяйством). Поэтому наше место -- на нашем посту. Вы, господа военные и господа дипломаты, -- вы защищайте отечество и ведите переговоры. А nous -- le role modeste des civilisateurs {наш удел -- скромная роль цивилизаторов.}. Мы сеем и способствуем прозябению посеянного. Я с утра уж принимаю рапорты, делаю распоряжения, осматриваю постройки, mes batisses, хожу на работы... И таким образом проходит целый трудовой день! У меня даже свой суд... Я здесь верховный судья! Все эти люди, которым нечего есть, -- все они приходят ко мне и у меня просят работы. Я могу дать, могу и отказать, -- стало быть, я прав, говоря, что суд принадлежит мне. У меня нет ни одного безнравственного человека в услужении... parce que la morale, mon cher, -- c'est mon cheval de bataille {ибо мораль, мой милый, -- мой боевой конь.}. Я каждому приходящему ко мне наниматься говорю: хорошо, но ты должен быть почтителен! И они почтительны. Все эти краеугольные камни... вы меня понимаете?

Дошедши до "краеугольных камней", Мангушев опять умолкал, считая свою миссию совершенно исполненной.

Nicolas и Мангушев сразу поняли друг друга, хотя последний принял первого с оттенком некоторого покровительства.

-- Soyez le bienvenu! {Добро пожаловать!} -- сказал он ему, -- le descendant des Persianoff {потомок Персиановых.} всегда будет желанным гостем в доме Мангушевых. Мы, сельские дворяне, конечно, не можем доставить вам тех высоких наслаждений, к которым привыкли люди столиц, но и у нас найдется для

Персианова и чарка доброго старого вина, и хороший кусок дымящегося ростбифа. *Entrez, je vous prie* {Войдите, прошу вас.}.

Мангушев высказал это так серьезно, что Nicolas сразу почувствовал беспредельное благоговение к нему. Он был так щегольски и в то же время так просто одет, что Nicolas в своем мундирчике почувствовал себя как-то неловко (он в первый раз упрекнул себя, зачем надел мундир, и не послушался маман, которая советовала надеть легкий палевый костюм). В его воображении вставал совсем не тот золотушный, вертлявый и исковерканный Мангушев, который действительно ломался перед его глазами, а подлинный представитель той *vie de chateau* {жизни в поместье.}, о которой он вычитал когда-то *dans ces bons petits romans* {в милых романах.}, воспитывавших его юность. Целая картина быстро пронеслась в его воображении. Молодой лорд, рассеивающий семена консерватизма, религии и нравственности; семейный очаг; длинные зимние вечера в старом, величественном замке; подъемные мосты; поля, занесенные снегом; охота на кабанов и серн; триктрак с сельским кюре; беседа за ужином с обильными возлияниями; общие молитвы с преданными седыми слугами, и затем крепкий, здоровый и безмятежный сон до утра... Одним словом, он совершенно позабыл, что находится в Глуповской губернии, где нет ни шато, ни кюре, играющих в триктрак, ни кабанов, ни консерватизма, ни религии, ни нравственности, а есть только высь да ширь, да бесконечно праздные и беспредельно болтающие Мангушевы.

-- *Et la sante de madame?* {Как здоровье мадам?} -- осведомился между тем Мангушев.

-- *Merci. Maman se porte tres bien.*

-- *Oh! votre mere est une noble et sainte femme!* {Благодарю. Мама чувствует себя превосходно. -- Ваша мать благородная и святая женщина!}

Молодые люди вошли в кабинет и уселись на какой-то чрезвычайно мягкой и удобной мебели.

-- *Et maintenant, causons. Charles! vite un dejeuner et une bouteille de notre meilleur!* {А теперь поболтаем. Шарль! скорее завтрак и бутылку лучшего вина!} -- обратился Мангушев к расторопному

малому, почтительно ожидавшему приказаний, -- мсье Персианов! вы какое вино предпочитаете?

Nicolas вспыхнул, потому что до сих пор он сам еще не давал себе отчета относительно вина. Он неизменно душил шампанское, полагая, что дорогая его цена вполне достаточна, чтоб оправдать это предпочтение.

-- Mais... le Champagne! {Но... шампанское!} -- смущенно пролепетал он, все больше и больше краснея.

-- Pardon! Мы будем пить шампанское en son temps et lieu {в свое время и на своем месте.} -- надеюсь, что вы у меня обедаете? -- а теперь... Charles! vous nous apporterez de ce petit Bordeaux... "Retour des Indes"... C'est tout ce qu'il nous faut pour le moment... n'est-ce pas, mon cher monsieur de Persianoff? {Шарль! принесите нам бордо... "Возвращение из Индии"... Ничего другого нам сейчас не надо... не правда ли, дорогой господин Персианов?}

Nicolas промывчал в знак согласия.

-- У меня в услужении все французы, -- продолжал Мангушев, когда Шарль удалился, -- и вам рекомендую то же сделать. Il n'y a rien comme un francais, pour servir {Лучше француза слуги не найдешь.}. Наши русские более к полевым работам склонность чувствуют. Ils sont sales {Они грязные.}. Но зато, в поле за сохой... c'est un charme! {это восторг!}

Затем, уже начинается собственно causerie {болтовня.}.

-- Ну-с, что нового в Петербурге?

-- Mais... nous folichonnons, nous aimons, nous buvons sec! {Да что ж, шалим, любим, выпиваем!}

-- Oh! cette bonne, brave jeunesse! {Милая, славная молодежь!} Мы, сельские дворяне, любимся вами из нашего далека и шлем вам отсюда наши скромные пожелания. Вам трудно в настоящую минуту, messieurs, и мы понимаем это очень хорошо; но поверьте, что и наша задача тоже нелегка!

Мангушев останавливается, как будто собирается с мыслями.

-- У нас нет поддержки! -- наконец говорит он и опять умолкает.

Nicolas делает вид, что умеет, так сказать, читать между строк.

-- On est trop bon la-bas! {Там слишком мягкосердечны!} -- продолжает Мангушев, -- нет спора, намерения прекрасны, но нет этой пылкости, этого натиска, чтобы разом покончить с гидрою! А мы... что же мы можем сделать с нашими маленькими, разрозненными усилиями? Мы можем только помогать по мере наших слабых сил... и сожалеть!

-- N'est-ce pas? mais n'est-ce pas? -- радуется Nicolas, -- je le dis mille fois par jour, qu'on est trop bon pour cette canaille-la {Не правда ли? не правда ли? я говорю тысячу раз на день, что правительство слишком мягко по отношению к этим негодьям!}.

-- Et vous avez raison {И вы правы.}. Я день и ночь борюсь с этим злом... je ne fais que cela... {я только это и делаю...} И что ж! Я должен сознаться, что до сих пор все мои усилия были совершенно напрасны. Они проникают всюду! и в наши школы, и в наши молодые земские учреждения.

-- Я уверен, что еще на днях видел здесь одного нигилиста, -- восклицает Nicolas, -- и если б не тамап...

-- Ah! nos dames! ce sont des anges de bonte et de douceur! {Ах! наши дамы! это ангелы доброты и милосердия!} Но надо сознаться, что они нам много портят в нашей святой миссии!

-- Но я был неумолим, -- лжет Nicolas, -- я прямо сказал тамап, что не желаю, чтоб в нашем селе процветали Каракозовы! И его уж нет!

-- И хорошо сделали. Votre mere est une sainte {Ваша мать святая.}, но потому-то именно она и не может судить этих людей, как они того заслуживают! Но даст бог, классическое образование превозможет, и тогда... Надеюсь, monsieur de Persianefi, что вы за классическое образование?

Nicolas надувается, как бы нечто соображая.

-- Классицизм -- этим все сказано, -- продолжает между тем Мангушев, -- это utile dulce, l'utile et le doux {полезное с приятным.}

нашего доброго старого Горация. Скажу вам откровенно, monsieur de Persianoff, я никогда-никогда не скучаю. Как только я замечаю, что мне грустно, я сейчас же беру моего старика Гомера, и забываю все... С этой точки зрения иногда у меня даже нет сил ненавидеть этих нигилистов: я просто сожалею об них. У них нет этого наслаждения, которым пользуемся, например, мы с вами; ils ne comprennent pas la poesie du coeur! {они не понимают поэзии сердца!}

Nicolas глядит на Мангушева во все глаза и все больше и больше проникается благоговением к нему. А вместе с благоговением он проникается и потребностью лгать, лгать во что бы ни стало, лгать, не оставляя за собой ни прикрытия, ни возможности для отступления.

-- Я сам... я очень люблю Гомера, но, признаюсь, впрочем, предпочитаю ему Вергилия. "Les Bucoliques" -- tout est la! {"Буколики" -- в них все!} Этим все сказано! -- картавит он, самодовольно поворачиваясь в кресле и покручивая зачаток уса.

-- Vraiment? {В самом деле?} вы любитель? Очень рад! очень рад! потому что в таком случае мы наверное сойдемся!

-- Я еще в младшем курсе прочитал всего Корнелия Непота... Fichtre, quel style! {Черт возьми, какой стиль!}

-- Oh, quant au style -- c'est Eutrope qu'il faut lire! {Ну, что касается стиля -- Евтропий -- вот кого следует читать!} Эта деликатность, эта тонкость, эта законченность... и наконец, эта возвышенность... Надо прочесть самому, чтоб убедиться, что это такое!

Беседа таким образом, новые друзья довелись наконец до того, что вытаращили глаза и стали в тупик. "Et Esope donc!" {А Езоп?} -- начал было Nicolas, но остановился, потому что решительно позабыл, кто такой был Езоп и к какой он принадлежал нации.

-- Ну-с, теперь мы позавтракаем! А после завтрака я вам покажу мой haras {конный завод.}. Заранее предупреждаю, что ежели вы любитель, то увидите нечто весьма замечательное.

За завтраком Мангушев пытался было продолжать "серьезный" разговор, и стал развивать свои идеи насчет "прав" вообще и в особенности насчет тех из них, которые он называл "священными";

но когда дошла очередь до знаменитого "Retour des Indes", серьезность изменила характер и сосредоточилась исключительно на достоинстве вина. Мангушев вел себя в этом случае как совершеннейший знаток, с отличием прошедший весь курс наук у Дюссо, Бореля и Донона. Он следил глазами за движениями Шарля, разливавшего вино в стаканы, вертел свой стакан в обеих руках, как бы слегка согревая его, пил благородный напиток небольшими глотками и т. п. Nicolas, с своей стороны, старался ни в чем не отставать от своего друга: нюхал, смаковал губами, поднимал стакан к свету и проч.

-- Mais savez-vous que c'est parfait! on sent le gout du raisin a un tel point, que c'est inconcevable! {Но знаете ли, это совершенство! аромат винограда силен до такой степени, что просто непостижимо!} -- наконец произнес он восторженно.

-- N'est-ce pas? {Не правда ли?} -- не менее восторженно отозвался Мангушев, -- ah! attendez! a diner je vais vous regaler d'un certain vin, dont vous me direz des nouvelles! {ах! подождите! за обедом я вас угощу одним вином, и посмотрим, что вы о нем скажете!} Затем разговор полился уж рекой.

-- Я только раз в жизни пил подобное вино, -- повествовал Мангушев, c'etait a Bordeaux, chez un homme comte de Rubempre -- un comte de l'Empire, s'il vous plait {это было в Бордо, у некоего графа де Рюбампре -- графа эпохи Империи, изволите ли видеть.} -- га! это было вино! И хоть я не очень-то долюбливаю этих comtes de l'Empire {графов эпохи Империи.}, но это вино! Ah! ce vin! {Ах! какое вино!}

Мангушев развел руками, как бы давая понять, что дальше объяснять бесполезно. Nicolas сидел против него и завидовал.

-- Я должен вам сказать, что судьба вообще баловала меня на этот счет. В другой раз, это было в Италии... в Сорренто, в Споленто -- je ne sais plus lequel!.. {не помню, где именно!..} Приходим мы в какую-то остерию. Ну, просто, в грязную остерию, вроде нашей харчевни... vous pouvez vous imaginer ce que c'est! {вы можете себе представить, что это такое!} Жарко, устали, хочется пить. Разумеется, сейчас: una fiasco dal vino! -- "Si, signor" {бутылку вина! -- Хорошо, синьор.} и т. д.

И что ж бы вы думали! Мне, именно мне, подают бутылку d'un certain lacrima Christi... ah! mais c'etait quelque chose! {знаменитые "слезы Христа"... ах! это было действительно нечто необыкновенное!} Представьте себе, что это была одна бутылка, хранившаяся у хозяина в погребке несколько десятков лет! Et puis, c'etait fini {А потом -- конец!}. Ни прежде, ни после я подобного вина не пивал!

Nicolas завидует еще больше, но в то же время чувствует, что и ему следует вставить свое слово в разговор.

-- On dit que ce sont les oranges qui sont excellents en Italie? {Говорят, апельсины в Италии превосходны?} -- картавит он с важностью.

-- Oh! quant aux oranges, il faut aller les manger a Messine {Что касается апельсинов, нужно их есть в Мессине.}. Это все равно что груши, которые можно есть только на севере Франции. Везде это -- груши, там -- это божество!

-- Et Naples! frutti di mare! {А Неаполь! устрицы, креветки!} -- восклицает Nicolas.

-- Я ел их с утра до вечера и никогда не мог довольно насытиться. C'est tout dire. Mais vous n'avez pas l'idee de ce qu'on trouve a l'etranger en fait de vins et de comestibles} On y devient glouton sans y penser -- parole d'honneur! {Этим все сказано. Но вы не можете себе представить, что можно найти за границей по части вин и кушаний! Там становишься обжорой, не замечая этого, -- честное слово!} Перигор, Бордо, Марсель -- все это усеяно! Тюрбо, тон, pate de foie gras -- c'est a n'y pas croire! Et puis les huitres {паштет из гусиной печени -- трудно поверить! А потом устрицы,}, и эта бесподобная, ни с чем не сравнимая bouillie-abaisse! {рыбный суп!}

-- Et les femmes donc! {Ну, а женщины!}

-- A qui le dites-vous! Ah, il y avait une certaine dona Innes... {Кому вы это говорите! Ах, там была одна донья Инесса...} Впоследствии она была в Петербурге у одного адвоката... les gueux! ils nous arrachent nos meilleurs morceaux! {Прощельги! они вырывают у нас лучшие куски!} Но я... я встретился с нею в Севилье. Представьте

себе теплую южную ночь... над нами темное синее небо... кругом все благоухает... и там вдали, *comme dit Pouschkinne*:

Бежит, шумит

Гвадалквивир...

Мы идем, впиваем в себя этот волшебный воздух и чувствуем -- *mais a la lettre* {буквально.} чувствуем! -- как вся кровь приливает к сердцу! И вдруг... ОНА! в легкой мантилье... на голове черный кружевной капюшон, и из-под него... два черных, как уголь, глаза!.. *Oh! mais si vous allez un jour a Seville, vous m'en direz des nouvelles!* {Если вы когда-нибудь будете в Севилье, вы сможете порассказать!}

У *Nicolas* захватывает дыхание. Потребность лгать саднит ему грудь, катится по всем его жилам и, наконец, захлестывает все его существо.

-- *Je vous dirai qu'une fois il m'est arrive a Petersbourg...* {Скажу вам, что однажды со мной в Петербурге случилось...} -- начинает он, но Мангушев, с своей стороны, так уж разолгался, что не хочет дать ему кончить.

-- О! наши северные женщины! *c'est pauvre, c'est mesquin, cela n'a pas de seve!* {они бедны, жалки, в них нет остроты!} Надобно видеть их там! Там -- это зной, это ад, это что-то такое, что мы, люди севера, даже понять не можем, не испытавши лично там, на месте! Но зато, раз на месте, мы одни только и можем оценить южную женщину! Знаете ли вы, что только южная женщина умеет целовать как следует?

Nicolas окончательно багровеет.

-- Вы не верите? -- и между тем нет ничего святее этой истины. Она не целует -- она пьет... *elle boit!* вот поцелуй южной женщины! Я помню, это было однажды в Венеции, *la bella Venezia...* {прекрасной Венеции...} Мы плыли в гондоле... вдоль берегов дворцы... в окнах огни... вдали звучат баркаролы... над нами ночь... *mais de ces nuits qu'on ne trouve qu'en Italie!* {из тех ночей, которые бывают только в

Италии!} И вдруг она меня поцеловала... oh! mais ce baiser!., c'etait quelque chose d'ineffable! c'etait tout un poeme! {o! этот поцелуй!.. это было нечто несказанное! это была настоящая поэма!} Увы! это был последний ее поцелуй!

Мангушев потупился, Nicolas впился в него глазами.

-- Elle est morte le lendemain {На следующий день она умерла.}. Она, женщина юга, не могла выдержать всей полноты этого блаженства. Она выпила залпом всю чашу -- и умерла! Вы можете себе представить мое положение! J'ai ete comme fou... Parole d'honneur! {Я был как безумный... Честное слово!}

Nicolas хочет сказать un compliment de condoleance {слово соболезнования.}, но, благодаря "Retour des Indes", слова как-то путаются у него на языке.

-- Certainement... si la personne est jolie... c'est bien desagreable! {конечно... если особа хорошенькая... это очень неприятно!} -- бормочет он.

-- Parbleu! si la personne est jolie! allez-y -- et vous m'en direz des nouvelles! {Черт побери! если особа хорошенькая! поезжайте туда, и вы заговорите об этом по-иному!} -- восклицает Мангушев, и так как завтрак кончен и лгать больше нечего, то предлагает своему новому другу отправиться вместе на конный завод.

-- Vous verrez mon royaume! {Вы увидите мое царство!} -- говорил он, -- там я отдыхаю и чувствую себя джентльменом!

Начинается выводка; у Мангушева в руках бич, которым он изредка пощелкивает в воздухе. Жеребцы и кобылы выводятся одни за другими, одни других красивее и породистее. Но Мангушев уже не довольствуется тем, что его "производители" действительно бесподобны, и начинает лгать. Все они взяли ему по несколько призов, опередили "Чародея", "Бычка" и т. д.

-- Вот, -- говорит он, -- этот самый "Зяблик" (c'est le doyen du haras) двадцать два приза взял -- parole! {он -- главный на конном заводе... Честное слово!}

-- *Quel producteur!* {Какой производитель!} -- восторженно восклицает Nicolas.

За "Зябликом" следует кобыла "Эмансипация", за "Эмансипацией" -- жеребец "Консерватор" и проч. У Nicolas искрятся глаза и захватывает дух, тем более что Мангушев каждую выводку непременно сопровождает историей, которая неизменно начинается словами: "Представьте себе, с этою лошадыю какой случай у меня был". "Куколка" выражает свой восторг уж не восклицаниями, а взвизгиваньем и захлебываньем. Мало того: он чувствует себя жалким и ничтожным, сравнивая этих благородных животных с скромными "Васьками" и "Горностаями", украшающими конюшню села Перкалей.

"*Et dire que cet homme a tout cela!*" {И подумать, что этот человек владеет всем этим!} -- думает он, поглядывая с завистью на торжествующего Мангушева.

За обедом "куколка" словно в чад. Он слабо пьет и почти совсем не притрагивается к кушаньям.

-- Этот "Зяблик" не выходит у меня из головы. А "Консерватор"! А эта "Ласточка"... *quelles hanches!* {какие задние ноги!} -- взвизгивает он поминутно.

Мангушев видит восторженность пламенного молодого человека и удостоверяется, что в нем будет прок. На этом основании он предлагает Nicolas выпить на ты и берет с него слово видеться как можно чаще. Новые восторги, новые восклицания, новое лганье, сопровождаемое заклинаниями.

-- Слушай! когда ты поедешь в Париж, -- говорит Мангушев, -- ты меня предупреди. Я тебе дам письмо к некоторой Florence -- *et vous m'en direz des nouvelles, mon cher monsieur!* {Флоранс -- и ты порасскажешь мне потом, милейший!}

От Florence разговор переходит к Emilie, от Emilie -- к Ernestine, и так как в продолжение его, следует бутылка за бутылкой, то лганье кончается только за полночь.

А в Перкалях еще не спят. Ольга Сергеевна стоит на террасе, взглядывается в темноту ночи и ждет своего "куколку" ("Oh! les

sentiments d'une mere!" {О! чувства матери!} -- говорит она себе мысленно).

-- Maman! quel homme! quel homme! {Мама! какой человек! какой человек!} -- восклицает Nicolas, выскакивая из коляски и бросаясь в объятия матери.

Каникулы кончились; Nicolas возвращается в "заведение". Он скучает, потому что чад только что пережитых воспоминаний еще туманит его голову. Да и все вообще воспитанники глядят как-то вяло. Они рука об руку лениво бродят по залам заведения, передают друг другу вынесенные впечатления, и не то иронически, не то с нетерпением относятся к ожидающей их завтра науке.

-- Ты что-нибудь знаешь из "свинства" (под этим именем между воспитанниками слывет одна из "наук")?

-- Ты прочитал "Черты"?

-- Messieurs! на завтра "Чучело" задал сочинение на тему: сравнить романтизм "Бедной Лизы" Карамзина с романтизмом "Марьиной рощи" Жуковского -- каков "Чучело"!

В таком роде идет перекрестный разговор, относящийся до наук. В залах и классах неприятно, голо и даже как будто холодно; лампы горят, по обыкновению, светло, но кажется, что в этом свете чего-то недостает, что он какой-то казенный; хочется спать и между тем рано. Раздается звонок, призывающий к ужину, но воспитанники не глядят ни на крутоны с чечевицей, ни на "суконные" пироги. Менее благовоспитанные (плебеи) с негодованием отодвигают от себя "cette mangeaille de porcseau" {еду для свиней.} и грозятся сделать "историю"; более благовоспитанные (аристократы) ограничиваются тем, что не прикасаются к кушанью и презрительно пожимают плечами, слушая нетерпеливые возгласы плебеев. Увы! в "заведении" уже есть "свои" аристократы и "свои" плебеи, и эта демаркационная черта не исчезнет в стенах его, но отзовется и дальше, когда и те и другие выступят на широкую арену жизни. И те и другие выйдут на нее с убеждением, что человеческая раса разделяется на chevaliers и manants {рыцарей и мужиков.}, но одни

выйдут с правом поддерживать это убеждение путем практики, другие -- лишь с правом облизываться на него и поддерживать его только в теории. Первые будут стараться не замечать последних, будут называть их "amis-cochons"; вторые будут ненавидеть первых, будут сгорать завистью к ним, и за всем тем полезут в грязь, чтоб попасться им на глаза и заслужить их улыбку!

-- Simon! -- с каким я познакомился консерватором! -- сообщает "куколка" другу своему Сене Бирюкову, -- quel homme! {какой человек!}

-- Шут!

Этот Сеня отличается тем, что настоящего разговора вести не может и выражает свои мысли, по возможности, короткими словами. Только в минуты сильного душевного потрясения он позволяет себе проговориться какою-нибудь пословицей вроде: "На том стоим-с!" или: "Бей сороку и ворону!" Тем не менее между товарищами он слывет типом истинного chevalier.

-- Сам ты шут! Слушай! Мы виделись с ним чуть не каждый день и, наконец, так сошлись в убеждениях, что поклялись друг другу составить общество "избавителей".

-- J'en suis! {Присоединяюсь к нему!}

-- Ты понимаешь, что это никак не будет "тайное" общество... напротив того, совсем-совсем явное! Il s'agit des nihilistes, vois-tu! {Видишь ли, дело идет о нигилистах!}

-- Tenez-la, monseigneur! {По рукам, сударь!}

-- Каким он угощал меня вином... "Retour des Indes"... га! это было винцо!

-- Jus divin! du raisin! {Божественный сок! винограда!} -- мурлыкает Сеня. -- На минералках я познакомился с Joyeux!

-- Ты глуп, Сеня. Надобно было с Альфонсинкой познакомиться, а ты все к мужчинам лезешь!

-- A bas! sa viendra! {К черту! это придет со временем!}

-- А еще я у него пил другое вино... Представь себе, эту бутылку подарил его дедушке Потемкин... Tu sais, l'homme du destin! {Помнишь, тот баловень судьбы!}

Сеня, вместо ответа, облизывает свои усики.

-- Она лежала сто лет в каком-то углу, в подвале... и я первый, первый открыл это чудо! Однажды, мы сидим вдвоем и пьем... oh! nous avons joliment trinque ce soir-la! {мы чудесно выпили в тот вечер!} И вдруг я ему говорю: Мангушев! я уверен, что у тебя в подвале хранится какое-нибудь чудо! Естественно, он тотчас же дал мне pleins pouvoirs (oh! c'est un vrai chevalier, celui-la) {полномочия (о! это истинный рыцарь).}, и не прошло минуты, как уж она была в моих руках!

-- Выпили?

-- Еще бы! Потом он рассказывал мне свое путешествие за границей. Oh! maintenant, je suis au courant de tout! {О! теперь я в курсе всего!} Я знаю, где найти лучшее вино, лучший обед, устрицы, одним словом, все! Ensuite, il m'a donne des details sur une certaine signera italienne... oh! quels details! {Тут же он мне рассказал подробности об одной итальянской синьоре... да еще какие подробности!}

-- Sapristi! {Черт возьми!}

-- Представь себе, они, эти южные женщины, не целуют, а пьют!

-- А bas! {Дьявол!}

-- А в довершение всего, он дал мне письмо к здешней Берте... en attendant le moment ou je pourrai aller en Italie {в ожидании, когда я смогу отправиться в Италию.}. Но ты понимаешь, как это с его стороны мило!

-- Был?

-- Еще бы! Сейчас с машины заехал к Огюсту, pour me faire decrotter {чтобы почиститься.}, и оттуда прямо к ней. Mais quelle adorable creature! {что за очаровательное создание!} Все следующее воскресенье я с нею. C'est convenu {Решено.}.

В этом роде разговор ведется за полночь. На другое утро Nicolas встает с головною болью и употребляет тщетные усилия, чтоб сравнить романтизм "Бедной Лизы" с романтизмом "Марьиной рощи". Он подбегает к Сене и спрашивает его:

-- Ты сравнил?

Сеня молча показывает лист бумаги, на котором размашистым почерком изображено:

"Романтизм "Бедной Лизы" настолько же выше романтизма "Марьиной рощи", насколько седая и мудрая старость выше резвой и неопытной юности. Но должно сказать, что оба автора находились долгое время при дворе и пользовались милостями монархов.

С. Бирюков".

-- Шут!

Так проходит неделя "наук". В воскресенье Nicolas бежит к Берте и там отдыхает от всей абракадабры, которую принято называть ученьем.

-- Vous n'avez pas l'idee, ma chere, comme ils nous bourrent de sciences, ces bourreaux!

-- Les barbares! {Вы себе представить не можете, моя милая, как они пичкают нас науками, палачи! -- Варвары!}

Дни проходят за днями; воспитание идет своим чередом между будничными "науками" и праздничною Бертой. Но вот истекают и последние два года, и здание окончательно увенчивается. За два месяца до выпуска Nicolas находится как в чаду. Он осведомляется о лучшем портном, лучшем bottier {сапожнике.}, лучшем confectioneer de linge {продавце белья.} и допускает по этим предметам une analyse detaillee et raisonnee {подробный систематический анализ.}. Наконец останавливается на Жорже, Лепретре и Leon. По воскресеньям он разрывается между ними, тогда как maman, приехавшая нарочно по этому случаю из Перкалей, покупает экипажи, мебель, устраивает квартиру -- un vrai nid d'oiseau! {настоящее гнездышко!}

-- Mais regarde donc, comme ce sera joli! {Но посмотри же, как это будет красиво!} -- говорит она ему, водя по комнатам их будущего жилища, -- tu seras la comme dans un petit nid! {ты будешь здесь, как в гнездышке!}

-- Maman! vous etes la meilleure des meres. Jamais! non, jamais je ne saurai... {Мама! вы лучшая из матерей. Никогда! нет, никогда мне не удастся...}

Nicolas закусывает губу и умолкает, потому что наплыв чувств мешает ему говорить. Как бы после некоторого колебания, он бросается к маман и крепко-крепко обнимает ее. Ma tante, свидетельница этой сцены, приходит в умиление.

-- Nicolas! tu es un noble enfant! {Николя! ты благородный мальчик!} -- говорит она со слезами на глазах.

-- Ma tante, c'est a vous que je dois ce que je suis! {Тетя, это вам я обязан тем, что я вышел таким!} -- восклицает Nicolas и от маман с тою же стремительностью бросается к ma tante и также обнимает ее.

Наступают экзамены, на которых "куколка" отвечает довольно рассеянно. Но начальство знает причину этой рассеянности и снисходит к ней. Сверх того, оно знает, что все эти благородные молодые люди, la fleur de notre jeunesse {цвет нашей молодежи.}, завтра же начнут свое служение обществу и никогда не изменят ни долгу, ни именам, которые они носят. Следовательно, если они и не вполне твердо знают, в котором году произошло падение Западной Римской империи, то это еще небольшая беда.

Наконец бьет и минута освобождения. Nicolas выходит из стен заведения, восторженно простирает вперед правую руку и, как бы обращаясь к невидимому врагу, торжественно произносит:

-- А теперь, messieurs... поборемся!